

В прошлой жизни Чжоу Мань как-то раз случайно услышал, как его секретарь, господин Цзи, воркует по телефону. Низкий голос мужчины тогда с придыханием произнес: «Проснуться сегодня и увидеть, что солнце и ты — в моих объятиях... это и есть истинное счастье». Его тогда так передернуло от слащавости, что по коже поползли мурашки, и с тех пор он не мог без содрогания смотреть на своего вечно серьезного и чопорного помощника.

Но сейчас, едва открыв глаза, он увидел Ин Фэйчи. Маленький даос уснул, уткнувшись ему в плечо; он забавно раздувал щеки во сне, а теплое дыхание щекотало шею. Длинные ресницы отбрасывали густую тень в лучах утреннего солнца, а кожа была такой белой и нежной, что казалась кусочком желе, который так и хотелось проглотить одним глотком. Сердце Чжоу Маня мгновенно затопило нежностью. Не в силах сдержаться, он приник губами к щеке юноши, втайне желая, чтобы это мгновение застыло навсегда.

— М-м... Чжоу Мань... — Ин Фэйчи проснулся, все еще не размыкая объятий, и потянулся к нему за поцелуем. — Чжоу Мань... еще... как вчера вечером...

Вчера, когда Чжоу Мань нес его на спине домой, измотанный многодневными страхами и бессонными ночами юноша быстро провалился в глубокий сон. Все произошедшее казалось ему прекрасным наваждением, призрачным сном, и лишь сладостный поцелуй глубоко врезался в память маленького даоса.

Чжоу Мань же, глядя на него, почувствовал укол совести. Он слишком рано дал волю чувствам: Ин Фэйчи всего шестнадцать, по любым меркам он еще ребенок, и не следовало так поспешно раскрывать свои карты, тем более столь страстным поцелуем. Сорокаоднолетний — по внутреннему возрасту — он ощутил жгучий стыд. Опасаясь, что может сбить юношу с пути, он дал себе твердый зарок: пока Фэйчи не исполнится восемнадцать, больше никакого баловства. Ни рук, ни губ.

Впрочем, показывать это слишком явно было нельзя — Фэйчи мог решить, что он ему противен, и это разбило бы парню сердце. Чжоу Мань ласково погладил его по голове и тихо сказал:

— Пора вставать. Нам нужно готовиться к занятиям.

Внимание Ин Фэйчи мгновенно переключилось, и он тут же вскочил с постели, принимаясь хлопотать по хозяйству и готовить школу к открытию.

Жители деревни так и не узнали подробностей недавнего скандала, но, искренне веря в порядочность Чжоу Маня, все единодушно решили, что учителя оклеветали. Когда Чжоу Мань и Ин Фэйчи разошлись по домам, созывая учеников, в школе снова зазвучал радостный гомон.

Ин Фэйчи прилежно помогал по школе, но, слыша за окном шумные крики ребят, он то и дело подкрадывался к Чжоу Маню, дергал его за рукав и, надув губы, требовательно вытягивал их трубочкой.

— Нельзя, — Чжоу Мань мягко коснулся пальцем его полных губ и терпеливо пояснил: — Снаружи дети.

Немного помолчав, он спросил:

— Фэйчи, а в вашем мире бессмертных... мужчинам можно быть вместе открыто?

— А почему нет? — искренне удивился Ин Фэйчи. — Путь самосовершенствования не завязан на кровном родстве. Для заклинателя наличие духовного корня куда важнее наследственности. Союзы между мужчинами у нас — обычное дело. Женщин-практиков ведь гораздо меньше, и если ты не выбрал путь «Высшего бесстрастия», то что же, всю жизнь куковать в одиночестве?

— И вас за это не презирают?

— Презирают? С чего бы? — Фэйчи недоуменно вскинул брови. — Повелитель Ушань, первый среди бессмертных всех времен, и его ученик, молодой господин Ланхуань, тоже были мужчинами. В нашем мире их почитают как прародителей и великих мастеров. Сама культивация — это уже вызов небесам. Одним вызовом больше, одним меньше — какая разница?

«Этот ваш Повелитель Ушань со своим учеником — просто классический пример того, как плохо влиять на подрастающее поколение...» — обреченно подумал Чжоу Мань, но вслух произнес со всей серьезностью:

— Фэйчи, пойми: здесь все иначе. Наш мир держится на кровных узах. Для каждого человека продолжение рода — священный долг. Тысячелетиями люди верили, что союз возможен только между мужчиной и женщиной, а иное — противно самой человеческой природе. Поэтому, пока не настанет крайний срок, никто не должен знать о нас. Понимаешь?

— О... — Ин Фэйчи кивнул, но вдруг встревоженно вцепился в рукав Чжоу Маня. — Значит, ты тоже... заведешь детей с какой-нибудь женщиной?

— Не заведу, — Чжоу Мань твердо встретил его взгляд, приглаживая растрепанные волосы юноши. — Если ты согласен, мы будем вместе до самой смерти. Но мы должны быть осторожны. В школе учатся дети до двенадцати лет, они еще не умеют отличать правду от лжи. Если мы станем для них дурным примером, это будет тяжким грехом. Понимаешь?

— Да, я все понял! — послушно согласился Ин Фэйчи, хотя тут же печально вздохнул.

Получается, днем, пока идут уроки, о сладких поцелуях можно забыть?

Маленький даос не собирался сдаваться. Днем он был воплощением примерности, прилежно грыз гранит науки, но стоило наступить вечеру...

— Чжоу Мань! — после ужина Ин Фэйчи стрелой подлетел к столу, за которым тот проверял планы уроков, и уставился на него сияющими глазами. — Теперь-то уже можно?

— Нет, у тебя еще есть дела, — Чжоу Мань, словно строгий отец, выложил перед ним стопку исписанных листов. — Вот, выучи все, что здесь написано.

— Опять... — Разочарование на лице юноши было столь явным, что его можно было потрогать руками. Неужели так трудно дождаться хоть какой-то похвалы?

Фэйчи обиженно надулся, но послушно взял бумаги и отошел в сторону. Присмотревшись, он увидел, что на листах были не только часто используемые иероглифы, но и важные правила поведения в городе: правила дорожного движения, слова, которых стоит избегать, и прочие тонкости. Ин Фэйчи тут же вспомнил, как во время недавней поездки ему на каждом шагу требовалась помощь Ло Жуя. Стыд мгновенно вытеснил мысли о поцелуях, и он углубился в чтение.

— Эх... — Пробежав глазами несколько страниц, он невольно вздохнул.

Если бы только у него была с собой нефритовая табличка... Чжоу Маню приходится писать столько всего от руки, тратя бумагу и тушь. С этими мыслями он бросил взгляд на Зеркало Тунмин, которое с момента инцидента всегда носил при себе.

«Зеркальце, зеркальце... Вот если бы ты умело превращаться в нефритовую табличку для записей, было бы здорово, правда?»

Стоило ему об этом подумать, как на гладкой поверхности артефакта проступила череда символов:

[Невежда! Я полезнее любой таблички! Позови сюда своего старшего!]

— А-а-а!!! — Вскрикнул Ин Фэйчи. Несмотря на весь свой опыт в мире культивации, он подскочил на месте от неожиданности. — Чжоу... Чжоу Мань!

— Что случилось? — Чжоу Мань мгновенно оказался рядом, закрывая юношу собой и тревожно осматривая его. — Ранен? Испугался? Что произошло?

— Все в порядке, все в порядке, — Фэйчи воспользовался моментом и обвил руками шею Чжоу Маня, наслаждаясь его теплом. — Просто зеркало заговорило. Оно хочет тебя видеть. — Он кивнул на артефакт и обратился к зеркалу: — Гляди, вот мой старший.

По поверхности Тунмин поплыли строки текста на упрощенном китайском:

[Староват, конечно... Я — Зеркало Тунмин, реликвия самого Высокого Бога Куньлуны. Спустилось в нижний мир, чтобы накопить заслуги. Так что с этого дня будете под моим началом!]

— «Под его началом», надо же... — Чжоу Мань невольно рассмеялся, поняв, что перед ним — капризное, заносчивое, но, видимо, совершенно бесхитростное сокровище.

Он похлопал Фэйчи по спине, заставляя того нехотя разжать объятия, присел перед зеркалом и спросил:

— Ты — волшебный артефакт? И на что же ты способно?

[На что я способно?! Да ты хоть представляешь, невежда?! = = Все, что может ваш компьютер, могу и я! И даже то, чего он не может! У меня, между прочим, есть самосознание!]

Зеркало, словно в знак протеста, подпрыгнуло на своей бронзовой рукоятке, используя ее вместо ноги.

— Что ж, дай-ка я взгляну на твою базу данных.

В прошлой жизни Чжоу Мань упустил немало возможностей из-за незнания компьютерных технологий, поэтому, когда появилась возможность, он учился с фанатичным усердием. Он взял зеркало в руки и принялся обращаться с ним как с айпадом: пару раз коснулся поверхности, пролистал хранилище и, убедившись, что внутри скрыта бездна информации, повернулся к юноше:

— Фэйчи, с сегодняшнего дня по вечерам ты будешь учиться с помощью Зеркала Тунмин.

«Что? С этим ворчливым зеркалом?» Ин Фэйчи был категорически против. Днем нельзя быть вместе, так теперь еще и вечером придется развлекать эту жестянку? Когда же они вообще будут миловаться? Но раз Чжоу Мань сказал, спорить было бесполезно.

Тяжело вздохнув, юноша приступил к долгому пути постижения житейской мудрости этого мира под присмотром зеркала, которое то и дело раздражалось едкими комментариями.

Зеркало Тунмин вывело на свою поверхность одну-единственную строчку:

[ХА-ХА-ХА-ХА-ХА!]